

‘На столе сидит чашка’: о контактных изменениях в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО*

Е. В. Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва;
egorka1988@gmail.com

Н. А. Муравьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва; nikita.muraviev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО, предположительно происходящие под влиянием ненецкого и хантыйского языков. Материал собран в ходе полевой работы в 2008–2017 гг., также учтены некоторые архивные данные. Показано, что контактное влияние проявляет себя не только в лексических заимствованиях, но и в калькировании фрагментов языковой структуры (моделей полисемии лексических единиц, закономерностей фонотактики и др.). Обсуждаются некоторые социолингвистические предпосылки контактно обусловленных изменений.

Ключевые слова: коми язык, ижемский диалект, хантыйский язык, ненецкий язык, заимствования, кальки, контактное влияние, социолингвистика, ареальная лингвистика.

* Сбор данных ижемского диалекта коми языка поддержан грантом РГНФ № 14-04-00476. Анализ материала и подготовка статьи поддержаны грантом РФФИ № 19-012-00627.

‘A cup is sitting on the table’: On the contact-induced change in the subdialects of Izhma Komi spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous District

E. V. Kashkin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow; egorka1988@gmail.com

N. A. Muravyev

National Research University Higher School of Economics, Moscow;
nikita.muraviev@gmail.com

Abstract. The article deals with possible cases of contact-induced change in the subdialects of Izhma Komi spoken in the Yamalo-Nenets autonomous district along with Tundra Nenets and Western Khanty. The data were collected during our 2008–2017 field trips by elicitation (collection of wordlists, checking the collocational properties of lexical items, etc.) and by analyses of the field-recorded texts; some archival materials were taken into account as well. Our data are compared with the published data on various Komi dialects. We argue that the influence of Tundra Nenets and Western Khanty on Izhma Komi not only results in lexical borrowing (e.g., in the domain of reindeer herding), which has previously been the main point of discussion in the literature, but also in some formal or semantic changes in the borrowed lexemes or patterns. This means that the degree of interaction between Izhma Komi and the neighbouring languages can be higher than it was claimed previously. Pattern borrowing can be related to lexeme polysemy (e.g., the verbs for sitting or standing, some animal names which also involve certain cultural taboos borrowing), phonotactic features (e.g., avoidance of hiatus, consonant devoicing in the final position), grammatical construction properties (e.g., possessive constructions). Some examples analyzed involve Izhma Komi’s interactions not only with Tundra Nenets / Western Khanty, but also with Russian (e.g., this is the case for some kinship terms). The sociolinguistic conditions of the possible contact-induced change are also discussed, such as the set of languages actively used in a particular village or area, the existence of mixed families and/or mixed reindeer herding communities.

Keywords: Komi, Izhma dialect, Khanty, Nenets, borrowing, calquing, contact-induced change, sociolinguistics, areal linguistics.

1. Введение

Работа посвящена анализу контактно обусловленных изменений в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). Территория ЯНАО является многоязычной. Исконно ее населяют носители двух языков самодийской ветви — ненецкого (в северной части) и селькупского (в восточной части), — а также хантыйского языка (финно-угорская ветвь, распространен в западной и северо-западной частях округа). Помимо них, в Ямало-Ненецком округе проживают носители ижемского диалекта коми языка, переселившиеся с Европейской территории РФ. Согласно наиболее принятой точке зрения [Жеребцов 1982; Повод 2006], основная волна переселения происходила в XIX в. (начиная с его первой трети). Сейчас, по данным переписи населения 2010 г., на территории ЯНАО насчитывается около 5000 представителей народа коми, из них владеет языком около 2000. Попав в новую для себя языковую и культурную среду, коми-ижемцы, благодаря вступлению в смешанные браки и работе в смешанных оленеводческих бригадах, стали осваивать и языки коренного населения ЯНАО — ненецкий и хантыйский. В настоящее время результаты этой контактной ситуации оказываются серьезно затемнены в силу интенсивного влияния русского языка (и его статуса как основного языка межнационального общения), а также повсеместной утраты родного языка представителями молодого и среднего поколений зауральских коми-ижемцев. Тем не менее некоторые из этих результатов еще сохранены в современных говорах, а в отдельных районах поддерживаются существованием смешанных семей и оленеводческих бригад, где коми-ижемцы пользуются ненецким языком. Именно об изменениях, которые могут быть обусловлены влиянием ненецкого или хантыйского языка, и пойдет речь в этой работе.

Материал для статьи собран в экспедициях в места проживания коми-ижемцев ЯНАО, проводимых с 2008 г. (результатом первого этапа этих экспедиций стал словарь [Кузнецова (отв. ред.) 2010], многие из последующих результатов отражены в [Кошкарева и др. 2017]). В основном были обследованы ижемские говоры в западной и северо-западной частях округа: в Шурышкарском (Мужи, Шурышкары, Восяхово, Овгорт) и Приуральском (Белоярск) районах. В Шурышкарском районе коми-ижемцы контактируют с хантыйским населением, в с. Белоярск Приуральского района — в первую очередь с ненецким. Контакты

с хантыйским населением существенно более активны в южной части Приуральского района в районе с. Аксарка (где проживает также и немало ненцев) и с. Катравож (где в основном проживают ханты). Малочисленные группы коми-ижемцев проживают также в Надымском районе (в частности в с. Нори, куда в 2011 г. была проведена экспедиция Института филологии СО РАН, предоставившая в наше распоряжение материалы по местному коми-ижемскому говору) и в Пуровском районе (здесь мы располагаем собственными данными из с. Самбург). В этих районах коми-ижемцы контактируют с ненцами. Помимо полевых данных, мы учитываем архивные материалы, в первую очередь охватывающие говоры Шурышкарского и Приуральского районов и в меньшей степени самбургский говор. Это записи из Научного архива Коми НЦ УрО РАН [Жилина 1959; Колегова 1959; Сорвачева 1959], а также тексты 1990-х — 2000-х гг. из архива телерадиокомпании «Ямало-Регион» (г. Салехард).

Следует оговорить, что, поскольку идиомы, описываемые в этой статье, находятся под угрозой исчезновения, при дальнейшем обсуждении оказывается затруднительным приводить существенный объем статистических данных, которые бы иллюстрировали различные контактно обусловленные изменения. Некоторые утверждения основаны только на отдельных примерах, записанных от нескольких носителей (такие случаи оговариваются в тексте статьи, а в ходе исследования проверялось, что они не представляют собой случайные оговорки, а последовательно реализуются по крайней мере в некоторых идиолектах). С нашей точки зрения, такие данные значимы для исследования языковых контактов, поскольку они могут представлять только зарождающуюся или, наоборот, уходящую модель изменения, см. также обсуждение в [Matras, Sakel 2007: 847–848].

Вопросы взаимовлияния коми и ненецкого языков поднимались в литературе и раньше, см., например, [Жилина, Колегова 1960; Сорвачева 1960; Игушев 1976; Сахарова, Сельков 1976; Туркин 1985] и др. Вместе с тем основное внимание в этих работах уделяется случаям заимствования культурной лексики, когда один язык заимствует из другого языка лексему вслед за заимствованием ее денотата в результате межкультурных контактов (см. также обсуждение подобных вопросов в типологической перспективе в [Haspelmath 2008; Matras 2009: 166–172]). Классическим примером может послужить лексика, связанная с традиционным бытом оленеводов. Сама эта отрасль была перенята коми-ижемцами у ненцев, и в результате в коми язык были заимствованы

многие ненецкие термины, ср. приводимые в [Сахарова, Сельков 1976: 122–123] примеры *хора* ‘олень-самец’ (нен. *хора*); *сынзы* ‘вертикальные шесты с двух сторон костра, куда прикрепляются поперечные шесты для подвешивания крюков’ (нен. *сымзы, симзы*); *ваньдей* ‘сани для имущества и продуктов’ (нен. *вандако, вандад*), и пр.

В свою очередь, в нашей работе мы продемонстрируем многоуровневость исследуемого контакта, которая отражается в формальных и семантических изменениях при заимствовании лексем (Раздел 2), моделей организации семантических полей (Раздел 3), фонологии и грамматики (Раздел 4). В заключение мы, помимо подведения итогов, обсудим некоторые социолингвистические предпосылки засвидетельствованных контактных ситуаций (Раздел 5).

2. Заимствования: изменения формальных и семантических свойств лексем

При анализе лексических заимствований необходимо учитывать множество разнообразных лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на процесс заимствования и его конечный результат. К таким факторам относятся социолингвистическая специфика ситуации контакта, культурные особенности народов, говорящих на данных языках, и история их взаимоотношений, фонологические и грамматические особенности языков, состав и организация лексики и многое другое (см. также [Winford 2003: 61–64; Haspelmath 2009: 42–43] и цитируемую в указанных работах литературу). Если говорить о непосредственно языковых факторах, влияние некоторых из них заметно уже из сопоставления внешнего облика исходной и заимствованной лексемы. Так, например, при заимствовании лексики из ненецкого языка в коми наблюдается тенденция к **отпадению начального согласного [ŋ]** в словах коми *амдёр* ‘шкура для сидения на нарте’ < нен. *уамдёр*” [Терещенко 1965: 379], коми *авко* ‘олень, вскормленный около чума’ < нен. *уавка* [ibid.: 368], коми *утыча* ‘нарта для перевозки шестов чума’ < нен. *ууто*” [ibid.: 405], коми *ыы* ‘шест, жердь для чума’ < нен. *уу* [ibid.: 401] и других. По всей видимости, носители коми языка далеко не всегда способны отчётливо услышать и адекватно передать начальный [ŋ], поскольку в коми такая фонема отсутствует. Та же проблема возникает и у носителей русского языка: например,

одно и то же ненецкое имя может записываться в паспорте двумя разными способами: Начал или Ачал (реальная записанная авторами история в с. Белоярск). В коми-ижемских говорах случаев перехода [п] в той же позиции в [п] в нашем материале не зафиксировано. **Утрачивается и согласный [ʔ]** на конце слова, не имеющий аналогов в коми (ср. выше *амдёр* < *намдёр*”). Нередко происходят изменения и при передаче гласных (условия этих изменений до конца не ясны), ср.: коми *сятура* ‘щука’ < нен. *сяторй(сь)* ‘кусаться’ [ibid.: 606], коми *неблюй* ‘телячья шкура, снятая примерно в сентябре, пригодная для малицы’ < нен. *няблюй*¹ [ibid.: 336] и вышеупомянутое коми *ыы* ‘шест, жердь для чума’ < нен. *уу*.

Изменения при заимствовании затрагивают также и **значение лексем**. Так, например, в обоих языках существует некоторое исходное наименование паука: *лярцо* в ненецком (см. [Терещенко 1965: 212], то же зафиксировано и в наших полевых данных) и *черань* в коми. Тем не менее в ситуации освоения коми-ижемцами ненецкого оленеводческого быта появляется новая для них реалия насекомых-вредителей, которые портят олени шкуры, и источником заимствования оказывается именно упомянутая ненецкая лексема — в виде *лярцо* / *ляртча*. При этом, насколько можно судить по имеющимся данным, существительное *лярцо* не обозначает в ненецком языке насекомых, портящих шкуры, а в ижемском коми ни оно само, ни его вариант *ляртча* не являются наименованиями паука. Тем самым, в данном случае при заимствовании происходит сдвиг значения лексем.

Другим подобным примером является заимствованное коми-ижемцами слово *неблюй* для обозначения шкуры оленьего телёнка. Исходное ненецкое слово *няблюй* используется для обозначения не только оленьей шкуры, но и собственно оленьего телёнка с такой шкурой, появившегося на свет осенью, но в коми язык из исходного набора значений заимствуется только одно.

Еще один пример заимствования с изменением семантики представлен ненецкой лексемой *лимбика* со значениями ‘мягкий и тёплый; ласковый’ [Терещенко 1965: 191]. Оно имеет субстантивированное употребление в значении ‘кусочек оленьей шкуры, который кладётся в люльку’, и именно в этом употреблении заимствуется в коми язык.

¹ В [Лыткин, Гуляев 1970: 187] данная лексема коми языка признается ненецким заимствованием. Обсуждение возможных более сложных процессов, связанных с этим словом, см. в [Аникин 2000: 405–406].

Тем самым, в данном случае результат заимствования в коми языке имеет не такую сферу употребления, как ненецкое слово-источник, не используясь, в отличие от ненецкого источника, как наименование признака предмета.

Наконец, любопытный случай представляет собой слово *сятура*, представленное в лексиконе северных коми-ижемских говоров ЯНАО (села Белоярск, Нори, Самбург) в значении ‘щука’, наряду с исконным словом *сир*. В ненецких говорах этой территории в том же значении используется никак не связанное с коми-ижемским словом существительное *пыря*, однако имеется также созвучный глагол *сяторӓ(сь)* со значением ‘кусаться’. Одновременно с этим в говорах большеземельского и западного ненецкого обнаруживается слово *сяторэй* в значении ‘щука’ [ibid.: 606] как некоторая отглагольная деривация от *сяторӓ(сь)*. Таким образом, наиболее очевидная версия состоит в том, что слово *сятура* было заимствовано из *сяторэй*, однако затем последняя лексема вышла из употребления в рассматриваемых нами ненецких говорах, где в качестве наименования щуки закрепилось слово *пыря*. Альтернативный вариант развития событий состоит в том, что слово *сятура* все же было заимствовано напрямую из глагола *сяторӓ(сь)* с изменением морфосинтаксических свойств лексемы, ср. отчасти похожий пример с лексемой *лимбика*, разобранный выше.

Таким образом, как видно из приведенных примеров, заимствования лексем из ненецкого языка в коми могут сопровождаться фонологической адаптацией и семантическими изменениями, которые состоят преимущественно в сужении значения или его корректировке под те конкретные реалии, наименования для которых в коми языке ранее отсутствовали.

3. Лексические кальки

3.1. Методология

Под лексическими кальками мы понимаем результат заимствования одним языком семантической структуры слова другого языка, ср. приводимый в [Zalizniak et al. 2012: 647–648] пример полисемии слова *ячмень* (‘злаковое растение’; ‘воспаление на глазу’), распространившейся из латыни и греческого языка в такие языки, как французский, русский,

немецкий, турецкий, венгерский и др. Определение калек в работе с нашим материалом вызывает ряд методологических сложностей, которые мы и оговорим далее.

Материал коми-ижемских говоров ЯНАО собирался нами в зонах контактов с хантыйским и /или ненецким языком. Калькирование одним языком семантических моделей другого предполагает ситуацию достаточно тесного межъязыкового контакта и высокую степень билингвизма, ср. приводимую в [Thomason 2001: 70–71] шкалу развития заимствований (Borrowing scale), где заимствованиям семантической или грамматической структуры соответствует более тесная степень связи двух языковых сообществ. Тем самым, ненецкая калька в коми-ижемском говоре с. Самбург, многие носители которого владеют и повседневно пользуются ненецким языком в семьях либо в оленеводческих бригадах, априори более вероятна, чем хантыйская калька в коми-ижемском говоре с. Мужы, носители которого общаются друг с другом на коми или на русском, а с представителями народа ханты — на русском, но не на хантыйском (кроме того, долгие годы в этом районе нет смешанных коми-хантыйских оленеводческих бригад). В нашей работе мы в каждом случае учитываем степень контактного влияния как для изучаемого идиома в целом, так и в социолингвистической биографии конкретного носителя языка.

Кроме того, крайне значимым является устройство рассматриваемого в качестве возможной калки языкового явления в тех идиомах коми языка и ненецкого / хантыйского языков, которые распространены вне района контактной ситуации. Вероятная калька должна быть специфичной именно для контактной зоны и одновременно быть распространенной в языке-источнике вне контактной зоны. Например, если какая-либо модель полисемии встретилась в коми-ижемском говоре с. Самбург, контактном с ненецким языком, не встретилась в говоре с. Мужы, не контактном с ненецким языком, и широко распространена в ненецком языке, то в данном случае есть основания говорить о ненецкой калке. Если же модель полисемии распространена и в с. Самбург, и в с. Мужы, то оснований говорить о калькировании из ненецкого языка становится меньше, поскольку район с. Мужы не населен ненцами и коми-ненецкий билингвизм для него не характерен². Помимо наших собственных полевых данных, мы

² При этом, конечно, нельзя исключать, что калькирование могло произойти в более ранний период коми-ненецких контактов. Рассуждения такого типа мы,

учитываем, проводя аналогичные рассуждения, данные по коми языку (как по ижемскому диалекту, так и по другим диалектам), приводящиеся в лексикографических описаниях, в первую очередь в [Лыткин (ред.) 1961; ССКЗД 1961; КСК I, II]. Заметим, вместе с тем, что в некоторых случаях опубликованные лексикографические источники не содержат нужного нам объема данных о семантике и сочетаемости лексем.

Наконец, нужно понимать, что любое отмеченное совпадение структуры коми языка и ненецкого / хантыйского языков логически может быть не только калькой, но и независимым развитием одной и той же языковой модели либо следом более древнего исторического состояния уральских языков, сохранившимся в отдельных идиомах. Строго говоря, в общем случае нельзя доказать сам факт калькирования, не имея в распоряжении надежных данных по разным диахроническим этапам развития языка, дополненных параллельными сведениями о контактной ситуации. В то же время, само указание на факт ареальных совпадений и на их социолингвистические корреляции представляется нам значимым (как и указание на то, что в ряде случаев контактная ситуация может способствовать сохранности старой модели полисемии либо возникновению какой-либо типологически распространенной модели), см. об этой проблеме также [Zalizniak et al. 2012: 647–648] и цитируемую в указанной работе литературу.

3.2. Случаи калькирования

Рассмотрим теперь встретившиеся нам примеры семантических калек. Первый из них касается **названий женской груди и вымени**. В говорах Шурышкарского района ЯНАО, контактных с хантыйским языком (с. Мужы, Восьяхово, Шурышкары), наименованием вымени служит существительное *вõра*, а наименованием женской груди — существительное *чуп* (ср. также существительное *морэс* с более общим значением ‘грудная клетка’). Такая же ситуация отмечается в говоре с. Белоярск Приуральского района (контактная зона с ненецким и в меньшей степени с хантыйским населением) и, насколько можно судить по данным [КСК I: 267; КСК II: 742], в других коми диалектах. Вместе с тем в говоре с. Самбург Пуровского района, где

однако, оставляем в стороне за отсутствием адекватного эмпирического материала.

коми-ижемцы контактируют с ненцами, существительное *чуп* выражает и значение ‘женская грудь’, и значение ‘вымя’ (слово *вõра* используется параллельно в значении ‘вымя’). В отдельных случаях нами фиксировались и более сильные смещения языковых обозначений обсуждаемых денотатов. Так, одна из жительниц с. Самбург, много лет назад переехавшая туда из Республики Коми, на вопрос о том, как сказать на коми языке ‘вымя’, после некоторых размышлений ответила: «А не *морэс?*».

В данном случае самбургский говор коми языка демонстрирует полисемию ненецкого типа: существительное *ңамя* имеет в ненецком языке как значение ‘женская грудь’, так и значение ‘вымя’ (см. [Бармич 2015: 121, 151], наши полевые данные тоже это подтверждают). Заметим, что в хантыйском языке наблюдается та же модель полисемии у существительного *esät*, см. [Соловар 2014: 384; Кошкарева (ред.) 2011: 157]. Вместе с тем в коми-ижемских говорах с. Мужы, Восяхово и Шурышкары калькирования этой модели из хантыйского языка не происходит. Один пример употребления слова *чуп* в значении ‘вымя’ записан нами в говоре с. Овгорт Шурышкарского района, где небольшая группа коми-ижемцев проживает в доминантном хантыйском окружении, но данных для надежных выводов об овгортском говоре в нашем распоряжении пока недостаточно.

Еще один пример семантического калькирования связан с **глаголами позиции**, а именно с семантикой и сочетаемостью глаголов *сулооны* ‘стоять’ и *пукооны* ‘сидеть’ (коми лит. *сулавны* и *пукавны* соответственно)³. В большинстве обследованных нами зауральских говоров глагол *пукооны* применяется только к сидящему человеку или животному. В свою очередь, глагол *сулооны* имеет несколько классов употреблений. Во-первых, он описывает стоящего человека или животное. Во-вторых, этот глагол обозначает позицию вертикально вытянутых предметов, как в (1). В-третьих, он же описывает позицию некоторых артефактов (чашки, миски, бутылки, лодки и др.), естественную для их функционирования (2), ср. анализ русских примеров типа *Чашка стоит на столе* в [Рахилина 2008: 293].

- (1) *Этая пу-яс-сэ кол-э*
этот дерево-PL-ACC.POSS3 быть.нужным-PRS.3SG

³ Подробные сведения о сочетаемости глаголов позиции в ижемском коми доступны в [Кашкин 2016а]. Здесь мы сосредоточимся на ключевых фактах, важных в свете обсуждения контактного взаимодействия коми и ненецкого языков.

пӧр-эд-ны, *потому* *што* *ныя* *сулал-эныс*
 опрокинуться-TR-INF *потому* *что* *они* *стоять-PRS.3PL*

туй *выл-ас*⁴
 дорога *верх-ESS/ILL.POSS3SG*

‘Эти деревья надо свалить, потому что они стоят на дороге’. (с. Мужж)

- (2) *Пызан* *выл-ас* *сулал-іс* *сёй* *тасьті*
 стол *верх-ESS/ILL.POSS3SG* *стоять-PST.3SG* *глина* *миска*

‘На столе стояла глиняная миска’. (с. Мужж)

В говоре с. Самбург, однако, регулярно фиксируется использование глагола *пукооны* в третьем из сформулированных выше классов употребления глагола *сулооны*. Лексема *пукооны* может применяться в Самбурге, в частности, по отношению к стоящей на столе посуде (чашке, тарелке, блюдцу), как в (3), силкам для ловли птиц, скамейке и т. д. С названиями вертикально вытянутых объектов (дерево, шест и т. п.) данная лексема, однако, не сочетается.

- (3) *Чашка-ыс* *пукал-э* *пызан* *выл-ын*
 чашка-POSS3SG *сидеть-PRS.3SG* *стол* *верх-ESS*

‘Чашка стоит (букв.: сидит) на столе’. (с. Самбург)

В данном случае говор самбургских коми опять оказывается близок к ненецкой системе. В ненецком языке именно глагол *уамдӕсь* ‘сидеть’ (но не глагол *нусь* ‘стоять’) развил наиболее широкую сферу употребления среди позиционных предикатов, ср. (4), — и опрошенные нами носители ненецкого языка тоже подтверждают употребления глагола *уамдӕсь* в контекстах, аналогичных приведенным нестандартным употреблениям коми-ижемского *пукооны*.

- (4) *Тол-’* *ни-ня* *хыдя-’’* *уамды-’’*
 стол-GEN *на-LOC* *чашка-PL* *сидеть-3PL*

‘На столе стоят (букв.: сидят) чашки’. [Терещенко 1965: 378]

Среди носителей самбургского говора наиболее активный сдвиг употребления глагола *пукооны* отмечается в речи людей, которые в повседневной жизни регулярно пользуются ненецким языком (например, один из информантов женат на ненке и говорит с ней по-ненецки, а другой работает в смешанной с ненцами оленеводческой бригаде).

⁴ Здесь и далее примеры, при которых не стоит эксплицитной ссылки на источник, записаны от информантов.

Кроме того, правильность самбургских примеров с расширением семантики *пукооны* отрицается носителями говоров Шурышкарского района, контактных с хантыйским языком⁵. Такие употребления глагола *пукооны* были оценены как неадекватные и носителем ижемского диалекта из с. Няшабож Республики Коми, опрошенным нами в с. Овгорт (на момент опроса информант проживал в Овгорте всего пять лет, поддерживая регулярную связь с носителями своего родного говора).

По данным [КСК II: 226–228] рассмотренные употребления глагола ‘сидеть’ (*пукавны*, *пукалны* и *пукооны* в разных диалектах) не являются типичными в коми диалектах. Для ижемского диалекта они не отмечены вовсе. Некоторые похожие примеры зафиксированы, однако, в говорах удорского, нижневычегодского и верхнесыольского диалектов. К сожалению, в нашем распоряжении нет подробных сочетаемостных анкет, которые могли бы детально прояснить свойства глаголов позиции в этих диалектах и позволить в полной мере сопоставить их с нашими ижемскими данными. В равной степени мы не можем достоверно утверждать, являются ли такие употребления инновациями, возникшими в нескольких коми диалектах, или реликтом прежнего состояния системы. В любом случае, однако, мы наблюдаем в одном из говоров ижемского диалекта модель полисемии, не встречающуюся в других доступных нам говорах того же диалекта — и эта система имеет явную параллель в распространенном (и доминантном) в том же ареале ненецком языке. По этой причине сценарий ненецкого влияния представляется здесь крайне вероятным, а его детальное прояснение (возникновение новой модели полисемии vs. поддержка черт прежнего состояния системы) — любопытным вопросом для дальнейшего исследования.

3.3. Калькирование: семантика и культурные табу

Некоторые из отмеченных нами примеров семантических калек сопряжены с более сложными механизмами взаимодействия языков и культур. Яркий пример этого представлен эвфемистическими наименованиями волка. В сибирских языках опасные животные

⁵ Заметим при этом, что в хантыйской системе позиционных глаголов наибольшую сферу употребления тоже имеет глагол ‘сидеть’ — *эмәсти*, см. [Лельхова 2012: 118–120; Кашкин 2016b]. Однако обследованные нами коми-ижемские говоры, контактные с хантыйским языком, не перенимают эту модель.

нередко именуется описательно, ср. упоминание этого факта в [Терещенко 1965: 938] и приводимые там ненецкие наименования медведя *париденя* (букв. ‘черный’), *при* (букв. ‘дед’) и т. п., а также данные по наименованиям волка в уральских языках Ямало-Ненецкого АО [Кошкарёва и др. 2011; Кошкарёва и др. 2017: 128–131]. В коми языке табуированные наименования животных тоже отмечались [Хаузенберг 1972; Кузнецова 2010]. Однако для волка, по крайней мере в говорах Европейской части России (бывшего СССР), такие наименования практически не фиксировались: в [Хаузенберг 1972: 22–23] отмечается единственное табуированное наименование — *лэк зверь* (букв. ‘плохой зверь’), встреченное автором только в ижемском селе Гам и (по состоянию на 1972 г.) использовавшееся, по данным автора, только пожилыми людьми. Общеупотребимым же наименованием волка является, согласно А.-Р. Хаузенбергу, существительное *кӧйин / кӧин*.

В обследованных нами коми-ижемских говорах ЯНАО наблюдается совершенно иная ситуация. Существительное *кӧйин / кӧин* практически не известно нашим информантам, вместо него используются только эвфемизмы. Повсеместно используется известное из [Хаузенберг 1972] наименование *зверь / лэк зверь* (с разными вариантами смягчения согласных в русском заимствовании, часто варьирующими даже в идиолекте одного и того же носителя языка — *звер, зверь, зверь, зверь*). В говорах с. Белоярск и Самбург, находящихся в ненецком ареале, эвфемизмов для волка оказывается еще больше. В с. Белоярск это *ыл-ласа* (букв.: ‘уличный’), *лы бӧж / лы бӧжа* (букв.: ‘костяной хвост / с костяным хвостом’), *кузь бӧж / кузь бӧжа* (букв.: ‘длинный хвост / с длинным хвостом’). В с. Самбург это эвфемизм *лэк* (букв.: ‘плохой’; по-видимому, еще один вариант усечения «базового» наименования *лэк зверь*), отмеченные и в с. Белоярск варианты *лы бӧж / лы бӧжа* и *кузь бӧж / кузь бӧжа*, а также наименования *ыллаын ветлалысь* (букв.: ‘на улице ходящий’), *вой ветлалысь* (букв.: ‘ночью ходящий’), *бука* (букв.: ‘нечистая сила’), *ёма* (букв.: ‘ведьма’). Некоторые примеры использования указанных эвфемизмов приведены ниже:

- (5) *Кӧр-анум тай вой-нас лы бӧж-ыс*
 олень-ESS/ILL.POSS1PL PTCL ночь-INS.POSS3SG кость хвост-POSS3SG
во-л-эма
 прийти-ITER-PF

‘В наше стадо ночью волк (букв.: костяной хвост) приходил’
 (с. Белоярск).

- (6) *Важэн ёма-ыс зэй уна вёл-іс,*
 раньше ведьма-POSS3SG очень много быть-PST.3SG
лун и вой стад-тэ каролит-ан,
 день и ночь стадо-ACC.POSS2 караулить-NPST.2SG
кёр воит-ан — судит-асныс. Уна кёр
 олень терять-NPST.2SG судить-FUT.3PL много олень
джагед-іс ёма, миме мынт-ан
 душить-PST.3SG ведьма сразу платить-NPST.2SG

‘Раньше волков (букв.: ведьм) очень много было, день и ночь стадо караулишь, оленя потеряешь — судят. Много оленей задушил волк (букв.: ведьма), сразу платишь’. (с. Самбург)

Важно, что избытие эвфемистических наименований волка встречается в зонах активного контакта коми и ненецкого языков. Многие коми-ижемские варианты, специфические для этих говоров, имеют ненецкие параллели. Так, эвфемизмы *ылласа* и *ыллаын ветлалысь* параллельны ненецким *пихий* (букв.: ‘уличный’), *пивня ядэрта* (букв.: ‘по улице гуляющий’) [Кошкарева и др. 2011]⁶. Вариант *кузь бёж / кузь бёжа* устроен аналогично ненецкому *тэва ямб* (букв.: ‘длинный хвост’), упомянутому в [Терещенко 1965: 684]. Сравнение волка с нечистой силой (ср. самбургские *бука* и *ёма*) сходно с полисемией ненецкого *ыллека*, буквально означающего ‘злое страшное сверхъестественное существо, вызывающее болезнь’, а переносно относящееся к волку [Терещенко 1965: 409]. Самбургский эвфемизм *вой ветлалысь* (букв.: ‘ночью ходящий’), отсылающий к волку по признаку времени, когда тот типично активен, повторяет ненецкое выражение *пихиня ядэрта* (букв.: ‘ночью ходящий’), тоже отсылающее к волку и отмеченное в относительно близком территориально говоре с. Гыда (А. А. Козлов, личное сообщение). Из зафиксированных в ижемских говорах Самбурга и Белоярска эвфемизмов в ненецком языке нами пока не обнаружен только источник примера для *лы бёж / лы бёжа* (букв.: ‘костяной хвост / с костяным хвостом’), хотя в целом в ненецком языке распространены метонимические наименования волка через отсылку к его хвосту, ср. уже упомянутое *тэва ямб* (букв.: ‘длинный хвост’), а также *тэвта* (букв.: ‘хвостатый’) [Терещенко 1965: 686].

⁶ Написания ненецких вариантов приводятся в соответствии с указанными в тексте источниками.

Тем самым, в данном случае в коми языке в зонах контакта с ненецким возникает целая серия полисемичных образований, абсолютно нетипичных для других территориальных разновидностей коми языка, что позволяет предположить здесь ненецкое влияние. Кроме того, сама культурная стратегия непрямого наименования волка поддерживается в смешанных оленеводческих бригадах и в окружающем языковом сообществе той практикой, которая сложилась у ненецких оленеводов.

3.4. Калькирование: взаимодействие многих языков

В некоторых случаях коми-ижемские говоры ЯНАО впитывают заимствования одновременно из двух источников — как из русского языка, так и из ненецкого. Первый пример такого полиязычного взаимодействия — это глагол *каролитны* и сдвиг его употребления в говоре с. Самбург. В других (помимо самбургского) обследованных нами говорах зауральских коми эта лексема означает ‘караулить; пасти оленей’ (в [КСК I: 638] ей соответствует лексема *караулитны*, имеющая ту же семантику в восьми диалектах коми языка и, по всей видимости, заимствованная из русского)⁷.

В самбургском говоре, помимо своего основного значения, глагол *каролитны* развивает значение ‘хранить что-л. где-л.’, как в (7). В других идиомах (а также в идиолектах многих жителей Самбурга) такую семантику обычно выражает глагол *видьны* (не имеющий, в то же время, значения ‘пасти’).

- (7) *Менам чой-э каролит-э емь-яс-сэ*
 я.GEN сестра-POSS1SG караулить-PRS.3SG иголка-PL-ACC.POSS3
тучу-ын
 сумочка-ESS
 ‘Моя сестра хранит иголки в сумочке’. (с. Самбург)

⁷ В [Аникин 2000: 265–266] русское слово *караул* рассматривается как заимствование из монгольских языков через посредство тюркских. Для коми языка, по-видимому, наиболее вероятно заимствование непосредственно из русского языка, ср. также соответствие глагола *караулитны* крайне продуктивной модели словообразовательного освоения заимствованных русских глаголов: в нашем материале встречается немало образований типа *белитны* ‘белить’, *вритны* ‘врать’, *жмитны* ‘сжимать’, *любитны* ‘любить’ и т. д.

Можно предположить, что такая полисемия развивается в самбургском коми в результате контактного ненецкого влияния. Глагол *кар-литны* копирует в рассматриваемом случае полисемию ненецкого *лэ-тмбась* (согласно и [Терещенко 1965: 205], и нашим полевым данным).

Еще один пример полиязычного процесса заимствования касается зоны терминов родства, а именно наименований мужа. Обычно это значение выражается в говорах зауральских ижемцев русским заимствованием *мужык* (слово *верес*, соответствующее литературному *верёс*, используется в подавляющем большинстве случаев только в составе устойчивых сочетаний *верес сайын* ‘замужем’, *верес сае* ‘замуж’, на основе последнего сочетания образуется также стяженная форма *вересса*). Однако в наших полевых материалах из с. Самбург, а также в архивном тексте из с. Харсаим в значении ‘муж’ встретилось и существительное *тарик* (из русского *старик*), ср. следующий пример из самбургского говора:

- (8) *Менам тарик-е тон скóрал-э*
 я.GEN старик-POSS1SG сегодня сердиться-PRS.3SG
 ‘Мой муж сегодня сердится’. (с. Самбург)

Такие примеры записаны как от пожилых информантов, так и от людей в возрасте 45–50 лет. В говоре с. Мужы данное употребление известно, но допустимо скорее для людей старшего поколения, в речи которых слово *старик* сдвигается уже в характеристику по возрасту. Для других говоров коми языка, по данным [КСК II: 425], подобная полисемия слова *старик / тарик* не отмечалась. Тем самым, в коми языке сдвиг с наименования по возрасту в наименование супруга возникает в говорах, контактных с ненецким языком, где точно такой же сдвиг имеет место у существительного *вэсако* [Терещенко 1965: 77]. Фиксируется этот сдвиг и в близкородственном энецком языке [Сорокина, Болина 2009: 86]. Поэтому в рассматриваемом случае можно предполагать калькирование коми-ижемскими говорами ненецкой модели полисемии, причем для лексемы, изначально заимствованной из русского языка⁸.

⁸ Надо заметить, что такая полисемия слова *старик* не исключена и в просторечном русском языке. Поэтому здесь нельзя полностью исключать и русского влияния. В то же время важно, что в коми-ижемских говорах указанная модель полисемии отмечается именно в контакте с ненецким языком, что не могло бы быть объяснено только русским влиянием.

4. Контактно обусловленные изменения в фонетике и грамматике

Помимо рассмотренных выше лексических калек, в зауральских говорах коми языка обнаруживаются изменения в фонетической и грамматической системах, для которых также можно предполагать контактное влияние. Они касаются структуры слога (*Раздел 4.1*), звонкости-глухости согласных (*Раздел 4.2*) и некоторых грамматических конструкций (*Раздел 4.3*). Далее обсудим все эти случаи более подробно.

4.1. Устранение зияния гласных

Первая из проблем, которую мы обсудим в этом разделе, касается случаев устранения зияния гласных в обследованных нами говорах. Вообще, устранение зияния достаточно распространено типологически, см. [Кодзасов, Кривнова 2001: 459–460]. Ненецкий и хантыйский языки также следуют этой стратегии в фонотактике, см. [Salminen 1998: 519] о ненецкой системе и [Nikolaeva 1999: 6] о хантыйской. Многие диалекты коми языка тоже принимают эту модель, см., например, [Сорвачева и др. 1966: 37–44] о верхневычегодском диалекте, [Жилина 1975: 47–48] о верхнесыольском диалекте, [Жилина 1985: 30–31] о лузско-летском диалекте и др. Такие примеры (не соответствующие данным других обследованных нами говоров) обнаружились и в с. Самбург и, пока в меньшем объеме, в с. Овгорт, ср. самбургские примеры *rive*⁹ ‘варит’ вместо стандартного ижемского варианта *pie*, *lyjajen* ‘песком’ вместо *lyaen*, *juves* ‘острый’ (о кончике) вместо *jues*, *juvas’ny* ‘спрашивать’ вместо *juas’ny*, *lovannyd* ‘будете’ вместо *loannyd*, *lafkajyn* ‘в магазине’ вместо *lafkayn*, *vajys* ‘его вода; эта вода’ вместо *vays* и др.

Учитывая типологическую распространенность данной фонотактической стратегии, несомненно, можно было бы утверждать, что в говорах Самбурга и Овгорта имеет место развитие некоторой частотной в языках мира модели, воспроизводящейся, помимо прочего,

⁹ При обсуждении фонетических различий примеры для большей наглядности даются в транскрипции латиницей.

и в других коми диалектах. На самом же деле ситуация, по-видимому, не так проста. Во-первых, устранение зияния гласных прежде не отмечалось в ижемском диалекте — ни в работе [Сахарова, Сельков 1976], посвященной преимущественно европейским ижемским говорам, ни в словаре [Кузнецова (ред.) 2010], где представлены уже данные зауральского говора с. Мужы. Во-вторых, в социолингвистической биографии наших информантов, от которых записаны такие формы, не было и нет контактов с носителями тех диалектов коми языка, где происходит устранение зияния. В-третьих, те носители самбургского говора, в речи которых может устраняться зияние гласных, имеют явные связи с ненецким языком: все они либо живут (жили в детстве) в смешанных коми-ненецких семьях, либо имеют длительный стаж работы в смешанных оленеводческих бригадах¹⁰. В некоторых случаях возникают неожиданные на первый взгляд ситуации: так, в речи одной из жительниц с. Самбург 1932 г. р., переехавшей туда из с. Мужы и затем вышедшей замуж за ненца, устранение зияния не встречается (как не встречается оно и в ее родном мужевском говоре), но такое устранение почему-то возникает в речи ее дочери, выросшей уже в Самбурге и самбургской тундре. Всё это позволяет предположить контактное влияние и здесь: ненецкое для Самбурга и хантыйское для Овгорта. Сам механизм этого влияния может быть, однако, различным (и, по-видимому, не вполне верифицируемым). С одной стороны, устранение зияния в контактных зонах могло быть инновацией, развившейся под влиянием соседних языков. С другой стороны, нельзя логически исключать, что самбургский и овгортский говоры могли независимо развить типологически частотную модель либо сохранить следы какой-либо старой модели, широко распространенной в коми диалектах. Но и в этом случае примечательно, что такое развитие произошло именно в ситуации языковых контактов, которыми данный процесс мог быть поддержан.

¹⁰ В с. Овгорт примеры с устранением зияния отмечались пока только спорадически, поэтому установить для этого говора надежные социолингвистические тенденции на данный момент невозможно. Вместе с тем его носители проживают в доминантном хантыйском окружении, сохранность хантыйского языка в этом районе достаточно хорошая, и многие коми-ижемцы в той или иной степени владеют не только русским, но и хантыйским языком.

4.2. Оглушение согласных

Некоторые несоответствия коми-ижемских говоров ЯНАО картине, ожидавшейся по предыдущим публикациям, в имеющемся у нас материале носят существенно менее системный характер. Тем не менее нам кажется важным упомянуть здесь отмеченные сбои, поскольку в своей совокупности они могут образовывать некоторую тенденцию либо указывать на намечающееся языковое изменение (ср. также методологические соображения об «ошибках» как типе лингвистических данных в [Русакова 2013; Рахилина 2014]). Первый из примеров эпизодических изменений касается оглушения согласных. Коми язык имеет развитую систему оппозиций согласных по глухости-звонкости. Однако в современном языке, если судить по данным обследованных нами говоров, в некоторых точках она расшатывается. Наиболее частый класс таких случаев касается финальной позиции согласных. Для системы коми языка характерно наличие фонологической оппозиции по глухости-звонкости и в этой позиции, ср. *нос* ‘пол’ и *ноз* ‘гнездо’. Во многих случаях, однако, конечные звонкие согласные начинают оглушаться — по всей видимости, под влиянием русского языка, см., например, *č'olep* ‘шустрый’ (ср. *čol'eba* ‘шустро’), *rəmyt* ‘сумерки’ (ср. *rəmdyny* ‘смеркаться’), *posn'it* ‘мелкий’ (ср. *posn'ida* ‘мелко’) и т. д.

В говоре с. Овгорт, вместе с тем, эпизодически встречаются менее тривиальные примеры, когда оглушению подвергаются согласные не в конечной позиции, ср. *kudyr* ‘мутный’ (вм. *gudyr*), *tometa pon* ‘привязанная собака’ (вм. *dometa pon*). Примеров с другими начальными согласными в наших данных не встретилось. Наиболее правдоподобным объяснением таких случаев представляется возможное влияние хантыйского языка, в системе которого нет звонких согласных фонем, см. [Nikolaeva 1999: 6]¹¹. Выявить четкие тенденции развития этого процесса в овгортском говоре пока, однако, сложно в силу небольшого объема материала.

¹¹ Другое объяснение этих примеров, предложенное нам анонимным рецензентом, состоит в возможном копировании фонотактической стратегии ненецкого языка, где, как видно из [Терещенко 1965], исконные слова не начинаются с *g* и *d*. Такое объяснение, однако, представляется нам менее правдоподобным, поскольку коми-ижемский говор с. Овгорт, по нашим данным, по крайней мере в последние десятилетия не подвержен ненецкому влиянию, но подвержен хантыйскому влиянию.

4.3. Изменения в грамматических конструкциях

Примеры изменений в грамматических конструкциях, которые могли бы объясняться контактным воздействием хантыйского или ненецкого языков на коми, в нашем материале пока крайне немногочисленны. На данный момент нам встретился один пример такого рода — он касается посессивных конструкций в говоре с. Овгорт. В идиолектах отдельных носителей этого говора маркирование посессора номинативом более распространено, чем в системе других говоров ижемского диалекта (см. об этой проблематике [Плешак, настоящий сборник]). В частности, в таких идиолектах встречаются примеры типа (9), где посессор в составе субъектной именной группы, выраженный личным местоимением, маркируется номинативом, а не генитивом. При этом стандартным средством маркирования такого посессора в ижемских говорах ЯНАО является именно генитив (*менам маме* ‘моя мама’).

- (9) *Ме мам-е рӧдич-ч-ис Мыжы-ын*
я мама-POSS1SG родить-DETR-PST.3SG Мужы-ESS
‘Моя мама родилась в Мужах’.

Учитывая тесный контакт коми-ижемского говора с. Овгорт с хантыйским языком, нельзя исключать, что появление таких конструкций обусловлено хантыйским влиянием. Поскольку в хантыйской падежной системе отсутствует генитив, варьирование структуры посессивных конструкций сводится в ней только к наличию / отсутствию посессивного маркера на вершине, тогда как форма зависимого не претерпевает варьирования, оформляясь всегда номинативом (подробнее о посессивных конструкциях в хантыйском языке см., в частности, [Привознов 2010]). Интересно, что такая гипотеза находит типологическую параллель из другой контактной зоны хантыйского языка. Согласно [Кошкарёва 2013], в говорах лесного ненецкого языка, распространенных в хантыйском окружении, также происходит расшатывание системы посессивных конструкций в силу нерегулярного употребления генитива на зависимом посессивной группы, тогда как в других ненецких идиомах генитив в этом случае, как правило, используется. Наши данные по овгортскому говору пока, однако, недостаточно объемны для полноценного сопоставления с материалами Н. Б. Кошкарёвой, но, несомненно, рассмотренное явление представляет интерес и нуждается в дальнейшем изучении.

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели изменения в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО, которые можно трактовать как результат контактного влияния ненецкого и хантыйского языков. Основной фокус был сделан не на прозрачных лексических заимствованиях, которые обозначают один и тот же денотат в языке-источнике и языке-доноре, а на тех случаях, где происходят какие-либо структурные изменения. В частности, было показано, что при заимствовании лексем могут происходить фонетические, грамматические и семантические изменения. Выявлены также лексические кальки — заимствования моделей полисемии (см., например, глаголы позиции или наименования некоторых животных). В ряде случаев взаимодействие ижемского коми с языками коренных народов Сибири дополнительно осложняется влиянием русского языка: некоторые лексемы, заимствованные из русского, предположительно развивают модель полисемии, свойственную ненецким говорам.

В фонетике и грамматике коми-ижемских говоров ЯНАО также выявлены некоторые черты, для которых можно предполагать контактную природу (не исключая полностью и того, что какие-то из этих моделей одновременно могут отражать распространенную типологическую тенденцию, см., например, устранение зияния гласных в самбургском коми). Вопросы грамматических изменений требуют, однако, дальнейшего исследования.

Полученные результаты поднимают вопрос о том, на каком уровне происходят заимствования в коми язык из соседних уральских языков. В теоретической литературе (см., например, [Thomason 2001: 70–71]) выделяются различные степени проникновения контактно обусловленных явлений. Важная граница в таких классификациях проходит между обычным лексическим заимствованием, с одной стороны, и заимствованием фрагментов языковой структуры, с другой стороны. Второй тип заимствования связан при этом с большей интенсивностью языкового контакта. Как видно из изложенных выше данных, коми-ижемские говоры ЯНАО характеризуются более высокой степенью контактного взаимодействия с окружающими уральскими языками, чем утверждалось ранее.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ESS — эссив; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; PF — перфект; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; SG — единственное число; TR — повышающая актантная дераивация.

лит. — литературный; нен. — ненецкий.

Литература

- Аникин 2000 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- Бармич 2015 — М. Я. Бармич. Русско-ненецкий словарь. СПб.: Алмаз-Граф, 2015.
- Жеребцов 1982 — Л. Н. Жеребцов. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.
- Жилина 1959 — Т. И. Жилина. Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий национальный округ. Ч. 2. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Фонд 1, опись 11, дело 192. 1959.
- Жилина 1975 — Т. И. Жилина. Верхнесыольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975.
- Жилина 1985 — Т. И. Жилина. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985.
- Жилина, Колегова 1960 — Т. И. Жилина, Н. А. Колегова. Некоторые особенности говора обских коми (сс. Мужы и Шурышкары) // Историко-филологический сборник. Вып. 6. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. С. 152–170.
- Игушев 1976 — Е. А. Игушев. К вопросу о культурных связях коми и ненцев // Л. Н. Жеребцов (отв. ред.). Этнография и фольклор Коми (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 17). Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1976. С. 116–118.
- Кашкин 2016a — Е. В. Кашкин. Глаголы позиции и их переходные соответствия в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Родной язык. 2016. № 1. С. 54–76.
- Кашкин 2016b — Е. В. Кашкин. Семантика хантыйских позиционных предикатов // А. А. Кретов (ред.). Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 78–88.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001.
- Колегова 1959 — Н. А. Колегова. Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий национальный округ (сс. Мужы и Шурышкары). Ч. 1. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Фонд 1, опись 11, дело 193. 1959.

- Кошкарева (ред.) 2011 — Н. Б. Кошкарева (ред.). Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011.
- Кошкарева 2013 — Н. Б. Кошкарева. Отражение как вид подчинительной связи в языках с вершинным маркированием (на материале хантыйского и ненецкого языков) // Вестник НГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 27–41.
- Кошкарева и др. 2011 — Н. Б. Кошкарева, О. А. Казакевич, А. И. Кузнецова, Е. В. Кашкин, Ю. Б. Коряков. Опыт картографирования лексических данных по уральским языкам, распространенным на территории Ямало-Ненецкого АО // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2011. Вып. 4 (73). С. 3–7.
- Кошкарева и др. 2017 — Н. Б. Кошкарева, Е. В. Кашкин, Ю. Б. Коряков, О. А. Казакевич, С. И. Буркова, Н. А. Муравьев, Е. М. Будянская. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Калининград: Издательский дом «РОСТ-ДООАФК», 2017.
- КСК I — Л. М. Безносикова (ред.). Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка. В 2 т. Т. 1. Сыктывкар: Кола, 2012.
- КСК II — Л. М. Безносикова (ред.). Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка. В 2 т. Т. 2. Сыктывкар: Кола, 2014.
- Кузнецова 2010 — А. И. Кузнецова. Карнавал животных и проблемы ретрогностики (на материале уральских языков) // А. А. Кретов (ред.). Проблемы компьютерной лингвистики. Вып. 4. Воронеж: ВГУ, 2010. С. 126–133.
- Кузнецова (ред.) 2010 — О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, М. Н. Усачёва. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург: Баско, 2010.
- Лельхова 2012 — Ф. М. Лельхова. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2012.
- Лыткин (ред.) 1961 — В. И. Лыткин (ред.). Коми-русский словарь. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.
- Лыткин, Гуляев 1970 — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
- Плешак, настоящий сборник — П. С. Плешак. Посессивные конструкции в самбургском коми // Настоящий сборник.
- Повод 2006 — Н. А. Повод. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX вв.). Новосибирск: Наука, 2006.
- Привознов 2010 — Д. К. Привознов. Посессивные именные группы в тегинском говоре хантыйского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2010. Т. VI. Ч. 3. С. 137–141.
- Рахилина 2008 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.
- Рахилина 2014 — Е. В. Рахилина. Грамматика ошибок: в поисках констант // О. В. Федорова, Е. А. Лютикова, М. А. Даниэль, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.

- Русакова 2013 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Сахарова, Сельков 1976 — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1976.
- Соловар 2014 — В. Н. Соловар. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «Формат», 2014.
- Сорвачева 1959 — В. А. Сорвачева. Материалы диалектологической экспедиции в Ямало-Ненецкий автономный округ (г. Салехард, ст. Лабытнанги и пос. Аксарка). Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Фонд 1, опись 11, дело 101. 1959.
- Сорвачева 1960 — В. А. Сорвачева. Ненецкие и хантыйские заимствования в говоре зауральских коми // Историко-филологический сборник. Вып. 6. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. С. 171–177.
- Сорвачева и др. 1966 — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1966.
- Сорокина, Болина 2009 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецко-русский словарь. СПб.: Наука, 2009.
- ССКЗД — В. А. Сорвачева (ред.). Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1961.
- Терещенко 1965 — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Туркин 1985 — А. Туркин. Коми-ненецкие языковые контакты // Советское финно-угроведение. 1985. Т. 21. № 3. С. 190–203.
- Хаузенберг 1972 — А.-Р. Хаузенберг. Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). Таллин: АН Эстонской ССР, 1972.
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Loanword typology. Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability // T. Stolz, D. Bakker, R. Salas Palomo (eds.). Aspects of language contact: New theoretical, methodological and empirical findings with special focus on Romancisation processes. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 43–62.
- Haspelmath 2009 — M. Haspelmath. Lexical borrowing: concepts and issues // M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). Loanwords in the world's languages. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 35–54.
- Matras 2009 — Y. Matras. Language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Matras, Sakel 2007 — Y. Matras, J. Sakel. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // Studies in language. 2007. Vol. 31. Iss. 4. P. 829–865.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
- Salminen 1998 — T. Salminen. Nenets // D. Abondolo (ed.). The Uralic Languages. London; New York: Routledge, 1998. P. 516–547.
- Thomason 2001 — S. Thomason. Language contact. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
- Winford 2003 — D. Winford. An introduction to contact linguistics. Oxford: Blackwell Publishing, 2003.

Zalizniak et al. 2012 — Anna A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 633–669.

References

- Anikin 2000 — A. E. Anikin. *Etimologicheskii slovar russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz uralskikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 2000.
- Barmich 2015 — M. Ya. Barmich. *Russko-nenetskiy slovar* [Russian-Nenets dictionary]. St. Petersburg: Almaz-Graf, 2015.
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Loanword typology. Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability. T. Stolz, D. Bakker, R. Salas Palomo (eds.). *Aspects of language contact: New theoretical, methodological and empirical findings with special focus on Romancisation processes*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 43–62.
- Haspelmath 2009 — M. Haspelmath. Lexical borrowing: concepts and issues. M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). *Loanwords in the world's languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 35–54.
- Hausenberg 1972 — A.-R. Hausenberg. *Nazvaniya zivotnykh v komi yazyke (sravnitel'no-istoricheskii analiz)* [Names of animals in the Komi language (comparative historical analysis)]. Tallinn: Academy of Sciences of the Estonian SSR, 1972.
- Igushev 1976 — Ye. A. Igushev. K voprosu o kulturnykh svyazyakh komi i nentsev [To the question of cultural relations of the Komi and Nenets people]. L. N. Zhrebtsov (ed.). *Etnografiya i folklor Komi* [Ethnography and folklore of the Komi] (Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii. Iss. 17). Syktyvkar: Komi branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1976. P. 116–118.
- Kashkin 2016a — E. V. Kashkin. Glagoly pozitsii i ikh perekhodnye sootvetstviya v izhemskom dialekte komi-zyryanskogo yazyka [Posture verbs and their transitive correspondences in the Izhma dialect of the Komi-Zyryan language]. *Rodnoy yazyk*. 2016. No. 1. P. 54–76.
- Kashkin 2016b — E. V. Kashkin. Semantika khantyyskikh pozitsionnykh predikatov [Semantics of Khanty posture predicates]. A. A. Kretov (ed.). *Problemy leksiko-semanticheskoy tipologii* [Issues on lexico-semantic typology]. Iss. 3. Voronezh: Voronezh State University Press, 2016. P. 78–88.
- Kodzasov, Krivnova 2001 — S. V. Kodzasov, O. F. Krivnova. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Russian State University for Humanities Press, 2001.
- Kolegova 1959 — N. A. Kolegova. Materialy dialektologicheskoy ekspeditsii v Yamalo-Nenetskiy natsionalnyy okrug (ss. Muzhi i Shuryshkary) [Materials of the dialectological expedition to the Yamalo-Nenets National District (Shuryshkary and Muzhi villages)]. Pt. 1. 1959. Scientific archive of the Komi Scientific Center of the Ural branch of the RAS. Fund 1, inventory 11, file 193.

- Koshkareva (ed.) 2011 — N. B. Koshkareva (ed.). *Dialektologicheskii slovar khandyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priuralskiy dialekt)* [Dialectological dictionary of Khanty language (Shuryshkary and Obdorsk dialects)]. Yekaterinburg: Basko, 2011.
- Koshkareva 2013 — N. B. Koshkareva. Otrazhenie kak vid podchinitelnoy svyazi v yazykakh s vershinnyim markirovaniem (na materiale khandyyskogo i nenetskogo yazykov) [Reflection as a type of subordination in head marking languages (based on the material of the Khanty and Nenets languages)]. *Vestnik NGU. Seriya "Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya"*. 2013. Vol. 11. Iss. 2. P. 27–41.
- Koshkareva et al. 2017 — N. B. Koshkareva, E. V. Kashkin, Yu. B. Koryakov, O. A. Kazakevich, S. I. Burkova, N. A. Muravyev, E. M. Budyanskaya. *Dialektologicheskii atlas uralskikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamal-Nenets Autonomous District]. Kaliningrad: "ROST-DOAFK" Publishing House, 2017.
- Koshkareva et al. 2011 — N. B. Koshkareva, O. A. Kazakevich, A. I. Kuznetsova, E. V. Kashkin, Yu. B. Koryakov. Opyt kartografirovaniya leksicheskikh dannykh po uralskim yazykam, rasprostranennym na territorii Yamalo-Nenetskogo AO [Mapping lexical data of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous District]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*. 2011. Iss. 4 (73). P. 3–7.
- KSK I — L. M. Beznosikova (ed.). *Komi syornisikas kyvchukör. Slovar dialektov komi yazyka* [Dictionary of Komi language dialects]. In 2 vol. Vol. 1. Syktyvkar: Kola, 2012.
- KSK II — L. M. Beznosikova (ed.). *Komi syornisikas kyvchukör. Slovar dialektov komi yazyka* [Dictionary of Komi language dialects]. In 2 vol. Vol. 2. Syktyvkar: Kola, 2014.
- Kuznetsova (ed.) 2010 — O. L. Biryuk, E. V. Kashkin, A. I. Kuznetsova, M. N. Usacheva. *Slovar muzhevskogo govora izhemskego dialekta komi-zyryanskogo yazyka* [Dictionary of the Muzhi variety of the Izhma dialect of the Komi-Zyryan language]. Yekaterinburg: Basko, 2010.
- Kuznetsova 2010 — A. I. Kuznetsova. Karnaval zhivotnykh i problemy retrognostiki (na materiale uralskikh yazykov) [Carnival of animals and the problems of retrognostics (based on the material of the Uralic languages)]. A. A. Kretov (ed.). *Problemy kompyuternoy lingvistiki* [Issues in Computational Linguistics]. Iss. 4. Voronezh: Voronezh State University Press, 2010. P. 126–133.
- Lelkhova 2012 — F. M. Lelkhova. *Slovar glagolov khandyyskogo yazyka (shuryshkarskiy dialekt)* [Dictionary of Khanty verbs (Shuryshkary dialect)]. Khanty-Mansiysk: "Novosti Yugry" Publishing House, 2012.
- Lytkin (ed.) 1961 — V. I. Lytkin (ed.). *Komi-russkiy slovar* [Komi-Russian dictionary]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1961.
- Lytkin, Gulyaev 1970 — V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. *Kratkiy etimologicheskii slovar komi yazyka* [A brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka, 1970.

- Matras 2009 — Y. Matras. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Matras, Sakel 2007 — Y. Matras, J. Sakel. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence. *Studies in language*. 2004. Vol. 31. Iss. 4. P. 829–865.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. *Ostyak*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
- Pleshak, this volume — P. S. Pleshak. *Possessivnye konstruksii v samburgskom komi* [Possessive constructions in Samburg Komi]. This volume.
- Povod 2006 — N. A. Povod. *Komi Severnogo Zauralya (XIX — pervaya chetvert XX vv.)* [Komi of the Northern Trans-Urals (19th — the first quarter of the 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka, 2006.
- Privoznov 2010 — D. K. Privoznov. *Possessivnye imennye gruppy v teginskom govore khantyyskogo yazyka* [Possessive noun phrases in the Tegi dialect of the Khanty language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkikh issledovaniy*. 2010. Vol. VI. Pt. 3. P. 137–141.
- Rakhilina 2014 — E. V. Rakhilina. *Grammatika oshibok: v poiskakh konstant* [Grammar of errors: looking for constants]. O. V. Fedorova, E. A. Lyutikova, M. A. Daniel, V. A. Plungian, S. G. Tatevosov (eds.). *Yazyk. Konstany. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgenievicha Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memory of Alexandr Evgenievich Kibrik]. St. Petersburg: Aleteyya, 2014. P. 87–95.
- Rakhilina 2008 — E. V. Rakhilina. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost* [Cognitive analysis of concrete nouns: semantics and combinability]. Moscow: Russkie slovari, 2008.
- Rusakova 2013 — M. V. Rusakova. *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of an anthropocentric grammar of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Sakharova, Selkov 1976 — M. A. Sakharova, N. N. Selkov. *Izhemskiy dialekt komi yazyka* [Izhma dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1976.
- Salminen 1998 — T. Salminen. Nenets. D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London; New York: Routledge, 1998. P. 516–547.
- Solovar 2014 — V. N. Solovar. *Khantyysko-russkiy slovar (kazymskiy dialekt)* [Khanty-Russian Dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen: Format, 2014.
- Sorokina, Bolina 2009 — I. P. Sorokina, D. S. Bolina. *Enetsko-russkiy slovar* [Enets-Russian dictionary]. St. Petersburg: Nauka, 2009.
- Sorvacheva 1959 — V. A. Sorvacheva. *Materialy dialektologicheskoy ekspeditsii v Yamalo-Nenetskiy avtonomnyy okrug (g. Salekhard, st. Labytnangi i pos. Aksarka)* [Materials of the dialectological expedition to the Yamalo-Nenets National District (city of Salekhard, Labytnangi station and Aksarka village)]. Scientific archive of the Komi Scientific Center of the Ural branch of the RAS. Fund 1, inventory 11, file 101. 1959.
- Sorvacheva 1960 — V. A. Sorvacheva. *Nenetskie i khantyyskie zaimstvovaniya v govore zauralskikh komi* [Nenets and Khanty borrowings in the dialect of the Trans-Ural Komi]. *Istoriko-filologicheskii sbornik* [Historical and Philological Collection]. Iss. 6. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1960. P. 171–177.

- Sorvacheva et al. 1966 — V. A. Sorvacheva, M. A. Sakharova, E. S. Gulyaev. *Verkhnevychegodskiy dialekt komi yazyka* [Upper Vychegda dialect of Komi language]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1966.
- SSKZD — V. A. Sorvacheva (ed.). *Sravnitelnyy slovar komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan dialects]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1961.
- Tereshchenko 1965 — N. M. Tereshchenko. *Nenetsko-russkiy slovar* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1965.
- Thomason 2001 — S. Thomason. *Language contact*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
- Turkin 1985 — A. Turkin. Komi-nenetskie yazykovye kontakty [Komi-Nenets language contacts]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 1985. Vol. 21. No. 3. P. 190–203.
- Winford 2003 — D. Winford. *An introduction to contact linguistics*. Oxford: Blackwell Publishing, 2003.
- Zalizniak et al. 2012 — Anna A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 633–669.
- Zherebtsov 1982 — L. N. Zherebtsov. *Istoriko-kulturnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historical and cultural relations of Komi with neighboring peoples]. Moscow: Nauka, 1982.
- Zhilina 1959 — T. I. Zhilina. Materialy dialektologicheskoy ekspeditsii v Yamalo-Nenetskiy natsionalnyy okrug [Materials of the dialectological expedition to the Yamalo-Nenets National District]. Pt. 2. Scientific archive of the Komi Scientific Center of the Ural branch of the RAS. Fund 1, inventory 11, file 192. 1959.
- Zhilina 1975 — T. I. Zhilina. *Verkhnesysolskiy dialekt komi yazyka* [Komi dialect of Upper Sysola]. Moscow: Nauka, 1975.
- Zhilina 1985 — T. I. Zhilina. *Luzsko-letskiy dialekt komi yazyka* [Komi dialect of Luza and Letka]. Moscow: Nauka, 1985.
- Zhilina, Kolegova 1960 — T. I. Zhilina, N. A. Kolegova. Nekotorye osobennosti govora obskikh komi (ss. Muzhi i Shuryshkary) [Some features of the dialect of Ob Komi (Shuryshkary and Muzhi villages)]. *Istoriko-filologicheskii sbornik* [Historical and Philological Collection]. Iss. 6. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1960. P. 152–170.